

Игорь Евгеньевич ХарловУральский федеральный университет, старший преподаватель кафедры лингвистики
и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Екатеринбург, Россия
e-mail: igor.harlov@urfu.ru**К истокам структурализма в лингвистике:
Панини, И. А. Бодуэн де Куртенэ и Ф. де Соссюр**

Аннотация. В статье рассматриваются взаимосвязи учений, изложенных в грамматике Панини, трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра, с позиции первоисточков структуралистского метода.

Ключевые слова: структурализм, структуралистский метод, структурная лингвистика.

Igor Ye. KharlovUral Federal University, Senior Lecturer to the Department of Linguistics
and Professional Communication in Foreign Languages, Yekaterinburg, Russia
e-mail: igor.harlov@urfu.ru**To the Origin of Structuralism in Linguistics:
Pāṇini, J. Baudouin de Courtenay and F. de Saussure**

Abstract. This article investigates the connections among the studies of Pāṇini, J. Baudouin de Courtenay and F. de Saussure in relation to the origins of structuralist method.

Keywords: structuralism, structuralist method, structural linguistics.

Введение (Introduction)

В современном состоянии научной мысли структурализм представляет собой такой подход, в рамках которого отдельные элементы изучаемого явления складываются в упорядоченную систему, а отношения между этими элементами проявляются в рамках структурных законов, что позволяет выйти на теоретический уровень исследования (подробно см. [1]). Именно теоретизация — способность увидеть за множеством изначально кажущихся неоднородными элементов нечто цельное, единое и системное — отличает структурный подход от других направлений в науке (в частности от формализма, с которым очень часто сравнивают и иногда даже отождествляют структурализм).

Когда речь заходит о структурализме, который берет свое начало как направление в лингвистической науке и в дальнейшем как метод исследования распространяется далеко за пределами лингвистики [2], чаще всего говорят о начале XX в. и швейцарском лингвисте Фердинанде де Соссюре. Еще точнее — о публикации конспектов его лекций, прочитанных в 1906–1907, 1908–1909 и 1910–1911 гг. на кафедре общей лингвистики Женевского университета, которые были собраны и отредактированы его учениками А. Сеше и Ш. Балли под названием «Курс общей лингвистики» (далее — «Курс»).

До начала XXI в. в основном все обращения к наследию Соссюра представляли собой в большей мере согласие с его положениями и выводами, в то время как сейчас происходит активное переосмысление его выводов и умозаключений.

Некоторые исследователи вполне обоснованно ставят под сомнение как корректность изложения мыслей Соссюра в «Курсе» [3], так и новаторство этих идей [4; 5; 6]. Вполне допустимо предполагать некоторое искажение оригинальной мысли Соссюра, поскольку текст «Курса» составлялся по конспектам разных слушателей трех учебных периодов, указанных выше. Присутствуют и некоторые самостоятельные вкрапления редакторов (Сеше и Балли), о которых они сами предупреждают читателя в предисловии к первому изданию «Курса»: «...Мы решились на реконструкцию, на синтез на основе третьего курса, с использованием всех бывших в нашем распоряжении материалов, включая личные заметки де-Соссюра. ...При всем том представить все составные части в порядке, соответствующем авторскому намерению, даже в тех случаях, где это намерение надо было не столько обнаруживать, сколько угадывать» [7, с. 26].

Дополнительные аргументы появились в научном сообществе в конце XX в. в связи с публикацией черновиков, собственноручных записок и набросков Соссюра, которые

как по общей логике, так и по стилю изложения не совсем соответствовали пафосу «Курса общей лингвистики» в редакции его учеников [6].

С учетом вышеупомянутых аргументов и рассуждений встает вопрос о том, в чем конкретно заключается новаторство Соссюра и предложенного им метода исследования, который в дальнейшем и стал основой структурализма. Из него вытекает следующий, более фундаментальный, вопрос: можно ли Соссюра считать/признавать «основателем» структурализма?

Методы (Methods)

Для того чтобы ответить на поставленные вопросы, был проведен анализ лингвистических концепций грамматики Панини, работ И. А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра. На основе этого анализа произведен синтез в плане обобщения их подходов и идей путем сравнения концепций и обнаружения сходства в их методологиях и понятийном аппарате.

В рамках данного исследования был проведен анализ как современных научных статей по наследию Ф. де Соссюра, так и самих лингвистических трудов.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Основные постулаты лингвистического структурализма строятся на нескольких дихотомиях, которые ввел в своем курсе Ф. де Соссюр: 1) «язык — речь», которая является базовой и основополагающей в лингвистической теории; 2) «диахрония — синхрония», которая в настоящее время была уточнена. Кроме того, важно понимание противопоставления понятий «система — элементы». Необходимо понимать, что дихотомии и другие постулаты теории Соссюра не возникли на пустом месте [8], они стали результатом, с одной стороны, знакомства ученого с новым материалом (в первую очередь санскритом) и, с другой, переосмысления творчества его предшественников. Рассмотрим подробнее основные дихотомии и положения соссюровской теории в связи с их потенциальными первоисточниками.

Самым главным и кардинальным изменением, привнесенным в лингвистическую науку Соссюром, считается идея о системности языка и взаимосвязи его элементов. В этой связи интерес представляет тот факт, что сама по себе идея системности языка не является новой. Системность обсуждали и античные создатели первых грамматик (Александрийская школа), про системность говорили и представители лингвистики XIX в. (Ф. Бопп, В. фон Гумбольдт). Тем не менее системность в их представлении и системность в представлении Соссюра — это разные системы. Стройность описания языка Александрийской школы не выходит за рамки отдельных языковых уровней: ее представители достигли больших вершин в построении грамматической системы языка, но в других областях (фонетике, семантике и т. д.) системность до конца не была ими установлена. В большинстве случаев системность языка античности определялась практическими целями — обучением языку иностранцев (в первую очередь обучением римлян греческому языку).

Идеи лингвистов XIX в. частично обуславливаются господствовавшим в науке естественно-научным подходом и желанием многих ученых сравнить и сопоставить

любое изучаемое явление с живым организмом, который тоже представляет собой относительно окружающей среды замкнутую систему. Безусловно, такой подход позволяет посмотреть на язык как «единый организм», как сложную систему, но показать системность связей, структурные законы функционирования отдельных подсистем и/или элементов этого организма он не позволяет.

С открытием в XIX в. санскрита для европейской лингвистики начинается новый виток в подходах к определению системности и структурности.

Грамматика Панини — широко известный в лингвистической науке труд, в котором изложены основные правила и законы санскрита. Точная датировка грамматики Панини является одним из спорных вопросов; ориентировочно трактат относят к V в. до н. э. Несмотря на возраст работы, грамматика Панини была неизвестна европейским ученым до XIX в., точнее до того момента, пока европейские путешественники не привезли из своих азиатских странствий данные о языках индийского полуострова, в частности о санскрите. С этого момента начинается бурное исследование «нового» для лингвистики языка, в котором обнаруживается очень много схожего с уже изученными латынью и древнегреческим, что позволило исследователям вынести предположение о родстве таких языков. Эти открытия послужили отправной точкой для развития одного из самых масштабных направлений в лингвистике — сравнительно-исторического языкознания, или компаративистики.

Представители сравнительно-исторического языкознания пытались обнаружить закономерности в родственных языках. Эти закономерности можно рассматривать как прототипы структурных законов, которые лежат в основе концепции Соссюра. Так, в рамках компаративных исследований были установлены законы звуковых соответствий и чередований (одним из ярких примеров подобной системности изменений в фонетике может служить закон Раска — Гримма, или закон первого передвижения согласных, в германских языках). Тем не менее все эти законы ограничивались конкретными языками и/или группами языков, определенным уровнем языка, определенным историческим периодом и т. д. Другими словами, эти законы, хотя и являются системными (поскольку описывают систематические изменения), не позволили исследователям выйти на теоретический уровень общезыковой системы, они продолжили «описывать» эмпирический уровень научного знания [1]. Но, безусловно, они своим существованием позволили Соссюру, который начал свои поиски новой парадигмы лингвистики именно с компаративных исследований (его первая работа «Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» 1878 г. оказала большое влияние на изучение вокализма индоевропейских языков, а также повлияла на развитие сравнительно-исторического метода в целом), подготовить своеобразный фундамент для построения уже теоретической системы.

Помимо самой почвы для первых эмпирических законов, санскрит и грамматика Панини как основной труд по этому языку позволили исследователям поставить вопросы о структуре языка и о структурном подходе к изучению и анализу языка. О. А. Волошина так пишет об этом

периоде: «В то время (начало XIX в. — И. Х.) европейские ученые объявили Индию колыбелью европейской цивилизации, считая индийскую культуру самым древним и неиссякаемым источником, питавшим европейскую (и мировую в целом) цивилизацию. <...> Достижения индийской научной мысли также осваивались европейцами, заимствовались и использовались для развития и обогащения собственной науки. Это касается математики, медицины, философии, поэтики, языкознания и др.» [4, с. 49].

Вклад индийской грамматики в европейскую теорию языка был многоаспектным. В первую очередь исследователи обратили внимание на особый метаязык грамматики Панини, в котором, например, присутствовала идея морфемы как единицы языка, обладающей и формой, и содержанием. В главе «Языкознание в Древней Индии» О. А. Волошина отмечает, что Соссюр был одним из первых лингвистов, который обратил внимание на некоторые закономерности фонетического и морфологического строения индийских гимнов [5, с. 12, 16], а также на особое устройство текста, а именно на его «цельность — грамматику невозможно читать подряд, разбирая последовательно каждую сутру. Понятно, что современный читатель так и работает с текстом, но тут же сталкивается с проблемой интерпретации того или иного правила, значение и функция которого становятся понятны только после прочтения, причем неоднократно, всего корпуса правил грамматики. Проблема не только в том, что вырванное из контекста правило невозможно интерпретировать, но и в том, что “контекст”, т. е. “соседние” правила, помогающие понять смысл сутры, могут располагаться в других частях, в других книгах трактата, поэтому для понимания каждой сутры нужно опираться на весь текст целиком» [5, с. 25]. Можно представить себе индийский трактат как своеобразную предтечу структурализма в том плане, что санскрит (через грамматику Панини) — это система, отдельные сутры — это элементы, а многочисленные связи между сутрами и есть «структурные законы», но не в обобщенном теоретическом и общезыковом виде, а в виде конкретных ситуаций и одного языка.

С точки зрения расширения понятийного аппарата интерес представляет «исчезновение», которое стало в европейской лингвистической традиции называться нулевой морфемой и противопоставляться ненулевой (в падежных окончаниях, в окончаниях форм глаголов и т. д.), что позволило европейским лингвистам дополнить и развить идею о противопоставлении форм в языке, которая у Соссюра звучит следующим образом: «язык есть система, все элементы которой образуют целое, а значимость одного проистекает только от одновременного наличия прочих» [7, с. 114], и повторяется в качестве вывода, что «в языке нет ничего, кроме различий» [7, с. 119].

Идеи о системности и различиях, специфическом метаязыке и новых терминах, которые частично были переосмыслены Соссюром, частично позаимствованы из грамматики Панини, позволили швейцарскому лингвисту выстроить идею о системности языка на теоретическом уровне, а также начать проработку идей об элементах этой системы.

Элементы языковой системы более высокого уровня (морфемы) уже были упомянуты и рассмотрены, теперь

необходимо обратить внимание на самые базовые элементы — звуки или фонемы, которые и лежат в основе языковой системы и составляют язык как таковой.

Здесь интерес будет представлять работа Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ, профессора Казанского университета, — вступительная лекция по кафедре сравнительной грамматики индоевропейских языков, которую он прочитал 17 (29) декабря 1870 г. в Санкт-Петербургском университете.

Рассуждая в этой лекции о «природе» языка, Бодуэн де Куртенэ приходит к следующему заключению:

«Язык есть слышимый результат правильного действия мускулов и нервов.

Или же:

Язык есть комплекс членораздельных и знаменательных звуков и созвучий, соединенных в одно целое чутьем известного народа (как комплекса (собрания) чувствующих и бессознательно обобщающих единиц) и подходящих под ту же категорию, под то же видовое понятие на основании общего им всем языка» [9, с. 37].

Таким образом, язык, по Бодуэну де Куртенэ, есть акустический образ, исключительно набор определенных звуков и созвучий, за которыми уже народ выстраивает комплексы единиц. У Соссюра в «Курсе» говорится, что «в языке же, напротив, не существует ничего, кроме акустического образа, который может быть передан посредством определенного зрительного образа» [7, с. 39], — и далее, — «язык есть склад акустических образов, а письмо — осязаемая их форма» [7, с. 40]. Оба ученых сходятся во мнении, что важнейшим образующим компонентом языка является именно акустический образ, который есть реальность, данная человечеству для использования и изучения. Именно этот акустический образ и становится основным элементом языковой системы.

Дальнейшее творчество Бодуэна де Куртенэ сосредоточивается на разработке теории, связанной с акустическим образом, которая в итоге ляжет в основу фонетики и фонологии и станет известна как теория фонемы. Безусловно, фонетика является неотъемлемой частью языковой системы, но при этом она не единственная ее часть. Соссюр, который тоже работал в области фонетики (достаточно вспомнить его «Мемуар»), в дальнейшем «возьмет» идеи Бодуэна де Куртенэ в отношении фонемы и интегрирует эти теории и фонетический уровень в более масштабную систему языка.

Обсудив первоисточники идей о системности и элементах, необходимо рассмотреть еще две дихотомии соссюрской лингвистики, которые были обозначены ранее: «язык — речь» и «диахрония — синхрония».

Обратившись к работе Бодуэна де Куртенэ, можно найти следующее рассуждение: «...И прежде чем выскажу окончательное определение языка, обращаю предварительное внимание, с одной стороны, на различие речи человеческой вообще, как собрания всех языков, которые только где-нибудь и когда-нибудь существовали, от отдельных языков, наречий и говоров, и наконец от индивидуального языка отдельного человека, с другой же стороны — на различие языка как определенного комплекса известных составных частей и категорий, существующего только *in potentia* и в собрании всех индивидуальных оттенков, от языка как беспрерывно пов-

творящегося процесса, основывающегося на общительном характере человека и его потребности воплощать свои мысли в ощущаемые продукты собственного организма и сообщать их существам ему подобным, то есть, другим людям (язык — речь — слово человеческое)» [9, с. 36–37].

В данном отрывке ученый предлагает разграничивать, с одной стороны, речь и язык, а с другой — язык как систему и язык как процесс. Интерес представляет тот факт, что за почти 40 лет до Соссюра Бодуэн де Куртенэ уже говорит об одной из фундаментальных дихотомий соссюровской лингвистики: «язык — речь». Тем не менее за этими понятиями стоит несколько разное наполнение. Бодуэн де Куртенэ в понятие речи вкладывает в первую очередь совокупность всех существовавших и/или существующих языков, в то время как Соссюр понимает под речью «...индивидуальный акт воли и понимания, в котором надлежит различать: ...комбинации, при помощи которых говорящий субъект пользуется языковым кодексом с целью выражения своей личной мысли...» [7, с. 38]. Давая другие характеристики речи, Соссюр тем не менее говорит в основном о речевой деятельности, процессе коммуникации, который имеет приблизительно одинаковое строение вне зависимости от конкретной системы знаков, которой оперируют говорящие.

Таким образом, можно заключить, что соссюровское понимание речи гораздо шире, чем представление Бодуэна де Куртенэ, поскольку Соссюр говорит о коммуникации, для которой тот или иной язык является лишь одним из компонентов.

Второе различие, которое проводит Бодуэн де Куртенэ между языком как системой и языком как процессом, соотносится со второй фундаментальной дихотомией о диахронии и синхронии. Процессуальность всегда связана с понятием времени, она разворачивается во времени и чаще всего имеет отправную точку и точку завершения. Тем не менее Бодуэн де Куртенэ не доводит эту мысль до оформленной дихотомии. Соссюр предостерегает от «вмешательства» времени в изучение языка: «Едва ли многие лингвисты догадываются, что появление фактора “время” способно создать лингвистике особые затруднения и ставит их науку перед двумя расходящимися в противоположные стороны путями» [7, с. 87]. В дальнейших рассуждениях Соссюр предлагает

говорить о «...синхронической лингвистике и лингвистике диахронической». Синхронично все, что относится к статическому аспекту нашей науки, диахронично все, что касается эволюции. Существительные же *синхрония* и *диахрония* будут соответственно обозначать состояние языка и фазу эволюции» [7, с. 89] (курсив наш. — И. Х.). Состояние языка, или статичность языка, — это в терминах Бодуэна де Куртенэ есть язык как система; фазы эволюции — язык как процесс перехода из одного системного состояния к другому.

На этом основные мысли двух ученых расходятся. Иван Александрович, хотя и опередил своими идеями швейцарского коллегу почти на 40 лет, не продолжил развивать именно эти положения. Говоря другими словами, Бодуэн де Куртенэ смог выйти за рамки эмпирического уровня, но не дошел до собственно теоретического уровня рассуждений (исключая работы, относящиеся к фонетической системе языка). Соссюр смог инкорпорировать идеи своего коллеги и вывести представление о системности языка на качественно другой уровень.

Заключение (Conclusion)

Как было показано в настоящей статье, многие идеи и положения теории языка Фердинанда де Соссюра взялись не из ниоткуда. Идеи системности языка предлагались с античных времен, но обычно ограничивались конкретным аспектом языка, его уровнем. Те законы компаративистики, которые можно с некоторыми оговорками трактовать как прототипы структурных законов, хотя и были сформулированы и доказаны, распространялись исключительно на конкретные ситуации, языковые элементы, языки или группы языков. Все эти идеи оставались на уровне эмпирического знания классической науки. Соссюр смог обобщить эти и другие постулаты и поднять представления лингвистической науки на качественно другой уровень — на теоретический уровень неклассической науки, где структурные законы и системное видение объекта исследования позволяют собрать из частных элементов единое целое, где всё со всем связано и опосредовано друг через друга [1]. Подобные мысли также озвучивал И. А. Бодуэн де Куртенэ, но в его работе они выступают скорее как средство, базис для создания фундамента фонетической науки, а не общей теории языка.

1. Бряник Н. В. Концепция структурного закона и методология структурализма в неклассической науке // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 74–84. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-1-74-84
2. Купарашвили М. Д. Структурализм: лингвистический и философский = Structuralism: Linguistic and Philosophical // Alma mater: Вестник высшей школы. 2020. № 9. С. 92–97. DOI: 10.20339/AM.09-20.092
3. Березович Е. Л. Творческое поведение ученого: Фердинанд де Соссюр // YouTube : [видеохостинг]. 2020. 10 мая. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BDSf5GAuKcE> (дата обращения: 07.12.2023).
4. Волошина О. А. Языкознание в Древней Индии // Русский язык в школе. 2015. № 8. С. 49–55.
5. Волошина О. А. Языкознание в калейдоскопе идей. Очерки по истории лингвистических учений. М. : Водолей, 2021. 460 с.
6. Кузнецов В. Г. Учение Ф. де Соссюра в свете соссюрологии // Вопросы языкознания. 2006. № 5. С. 106–117.
7. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
8. Волошина О. А. «Санскритские очки» европейской лингвистики = “Sanskrit Glasses” of European Linguistics // Изв. Рос. акад. наук. Сер. литературы и языка. 2019. Т. 78, № 6. С. 5–15. DOI: 10.31857/S241377150007800-3
9. Бодуэн-де-Куртенэ И. А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке. СПб. : Печатня В. И. Головина, 1871. 38 с.